

формировании московского модерна выделена слабо. Кроме того, в псевдорусских имитаторских очертаниях Исторического музея и Городской Думы вряд ли правомерно усматривать "поиск подлинно народных форм выражения национального духа" (с. 197). Скорее, это типичная "Cachá a la gusse" (выражение Л.Н. Толстого), не более народная, чем несколько более поздний "жапонеск" японской имперской архитектуры, лепивший на бетонные корпуса тяжеловесных зданий реплики летящих храмовых крыш деревянного зодчества. Кроме того, не вполне понятна терминология автора (У.К. Брумфилда): он говорит о стиле модерн, затем о стиле "нового искусства" (с. 196), о манере fin de siecle (с. 205), о Jugendstil (с. 208), об art nouveau (парой строчек ниже), о манере Beaux Arts и стиле "Сецессион" (с. 211). Остается неясным, все это одно и то же (и тогда зачем такое разнообразие слов) или это все же разные варианты модерна рубежа XIX–XX вв., но тогда в чем различие между ними? Помимо этого, к этой главе просто необходимы дополнительные иллюстрации. К другим главам их дано больше, хотя все равно меньше, чем хотелось бы. Здесь же их очень мало, и поэтому глава читается с трудом: мало какой читатель представляет себе все эти здания, даже если они и сохранились. Кроме того, в списке иллюстраций даже показанные здания стиля модерн разнесены по другим главам.

Я пропускаю гл. 6 и гл. 7 как в целом лишённые антропологической составляющей, хотя сами по себе очень изящные.

Но очень важна гл. 8 – Москва при новом режиме. Несмотря на утопические проекты "города будущего" на макроуровне, локальные функции, как мы видим, в основном сохранились. На микроуровне изменения диктовались, скорее, идеологией, нежели функциональной потребностью – например, снести церковь и разбить на ее месте сквер. После краха советского режима происходят частичное восстановление и развитие временно нарушенных им функций, т.е. жизнь города возвращается на "круги своя".

В целом следует сказать, что эта книга, помимо своего познавательного значения, во многих своих главах, в особенности в гл. 2 и в гл. 4, а также в искусствоведческих, не рассматриваемых здесь главах эссеистского характера шестой и седьмой, и несомненно, несмотря на ее серьезность, в гл. 2, представляет собой увлекательное и просто очаровательное чтение. Она не только рисует перед нами прошлое, но в какой-то степени позволяет экстраполировать заложенные в прошлом тенденции будущего и даже, пусть осторожно, но все же дать на это будущее некоторые рекомендации.

ЭО, 2007 г., № 3

А.А. Бурькин. Рец. на: *Телеутский фольклор* / Сост., вступит. ст., запись, пер., коммент. Д.А. Функа. М.: Наука, 2004. 183 с.

Небольшая по объему книга, к тому же включающая тексты самых разных жанров – фрагменты эпоса, сказки, легенды и предания, разные виды песен, ритуальные тексты, загадки, – может показаться очередной публикацией избранных образцов фольклора одного из народов Сибири. В действительности это совсем не так.

В книге собраны образцы фольклора бачатских телеутов (их около 2500 человек) – одного из тюркоязычных народов Южной Сибири, который только недавно стал считаться отдельным этносом, язык которого, как отмечает составитель (с. 5), относится к числу так называемых языков, находящихся под угрозой исчезновения.

В "Предисловии" освещается история записи и публикаций телеутского фольклора, ведущая отчет от трудов Алтайской духовной миссии и публикации П.А. Словцова 1844 г., продолженная собирательской и исследовательской деятельностью В.В. Радлова и Г.Н. Потанина, и позд-

Алексей Алексеевич Бурькин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург).

нее А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, Л.Э. Каруновской, А. Ефимовой, а также фольклористов Алтая и Сибири С.С. Суразакова, Г.Г. Фисаковой и, наконец, составителем рецензируемого издания. Здесь же дана жанровая характеристика телеутского фольклорного материала и объяснены задачи книги. Автор, по его словам, "хотел значительно увеличить объем опубликованных оригинальных текстов, которые бы максимально полно отражали обилие разновидностей телеутского фольклорного материала, включая по возможности разновременные варианты записей" (с. 20).

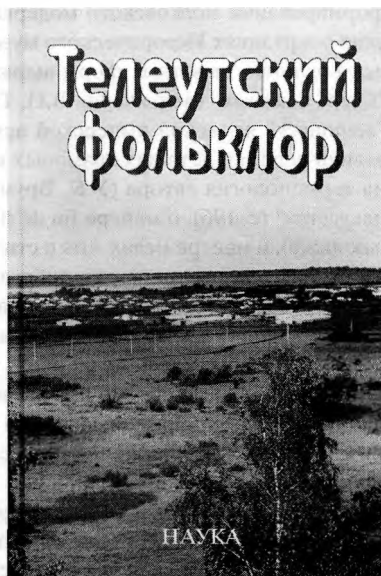
Героический эпос телеутов представлен в книге текстом "Маладу, ездящий на белом коне" на русском языке с фрагментами параллельного варианта в записи К. Верткова 1924 г., хранящегося в МАЭ РАН (Кунсткамера), и краткими комментариями, вскрывающими параллели между телеутским и шорским эпосом. Опубликовано три сказки: "Актандас", Сказка (*чорчок*) без названия и "Эрмен-чечен, Эркен-Чечен", первая и третья – на телеутском и русском языках, вторая – в пересказе. Небольшой раздел "Легенды, предания, нравоучения" включает четыре текста.

В разделе "Песни" помещены собственно песни, игровые песни, колядки, призывания на рождественские вечера, плясовые, или частушки, образцы любовной лирики, колыбельные, свадебные, песни-печали, образец причети-сыгыт, песнопения на библейские сюжеты (два варианта).

Раздел "Ритуальные тексты", занимающий в книге наибольший объем, что вполне согласуется с научными интересами автора, включает шесть текстов: камлание Талай-хану (два текста), благопожелание молодоженам на свадьбе (*алкыш*), заклинание при кормлении домашних охранителей (*эмэндегер*), заклинание при кормлении священных берез (*сомдор*), обращение к Май-эне – покровительнице маленьких детей (*алас*).

Книга выглядит ярким и заметным явлением в изучении фольклора тюркских народов Южной Сибири и в сибирской фольклористике в целом – прежде всего потому, что она необычна и даже, пожалуй, единственная в своем роде. В наши дни фольклорист, изучающий устное творчество малочисленного этноса, работает с ограниченным числом исполнителей, в основном с лицами старшего поколения. Естественно, что в поисках нового материала он обращается к архивам, которые представляют собой "второе поле" для этнографов и фольклористов, и объединение под одной обложкой собственных полевых записей публикатора и обработанных им же архивных материалов выглядит в высшей степени органичным. Исключительно важно, что автор, будучи исследователем этнографии и фольклора, не только свободно владеет языковым материалом, но практически владеет языками изучаемых народов на том уровне, который позволяет ему понимать живую речь и вести общение на языках, обрабатывать архивные записи, не имеющие русского перевода, и переводить записанные много лет назад тексты на русский язык, квалифицированно слушать исполнение образцов фольклора, расшифровывать магнитофонные записи и переводить записанные на магнитофон тексты. Можно без преувеличения – и с грустью – сказать о том, что столь высокая степень владения языками изучаемых народов в наши дни уже крайне редко встречается даже среди лингвистов, профессионально занимающихся языками народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Еще одним достоинством рецензируемого издания является то, что оно подготовлено и издано в весьма короткие сроки и как бы без отрыва от масштабной и объемной научно-исследовательской и научно-организационной работы, которую ведет Д.А. Функ в области этнографического сибиреведения. Очень важно, что составление и, главное, издание этой книги дают воз-

возможность увидеть опубликованные образцы телеутского фольклора и тем исполнителям, кто ныне хранит традиции устной словесности, и потомкам тех, кто уже ушел из жизни, с кем работали А.В. Анохин, Н.Ш. Дыренкова и другие исследователи телеутского фольклора. Многие собиратели фольклора народов Севера, Сибири, Дальнего Востока и других регионов знают, что и сами исполнители, и те представители интеллигенции этих народов, которые принадлежат к младшим поколениям и в силу языковой ситуации оказываются отчужденными от фольклора в его живом бытовании, с нетерпением ждут изданий образцов фольклора, которые записываются на их глазах от их родителей и родственников – и, увы, часто эти ожидания не оправдываются из-за того, что собирательская работа фольклориста оказывается невестребованной на уровне обработки полевых записей и издания фольклорных текстов. Рецензируемая книга – пример того, что публикации образцов фольклора, записанных даже совсем недавно, не только необходимы, но и в известных условиях вполне реальны.

Новое собрание образцов устного народного творчества телеутов показывает, насколько богатым был телеутский фольклор в прошлом, и наглядно демонстрирует тенденции изменения жанрового и сюжетного репертуара народов, в прошлом имевших мощные эпические традиции. Сильное воздействие эпоса отмечается и во всех сказках, опубликованных Д.А. Функом, и в образцах несказочной прозы. Отметим, что угасающие сказочные традиции часто не дают возможности соотнести сюжет записанного текста с той или иной позицией в указателях сюжетов, и поэтому многие специалисты считают бесперспективной идентификацию сюжетов сказок народов Сибири. Можно заметить, что сходные тенденции – правда, при гораздо большем массиве сохранившегося материала – характерны для якутов, где эпос подавляет сказку.

Сильное влияние эпоса – стремление особо выделить эпического героя – прослеживается и в песнях "Песнь Канза-Пия", "Мырат-Пий" (три варианта), а песня "Телеутский царь в Москве" демонстрирует ту же особенность телеутского фольклора в приложении к несказочной прозе. Вообще влияние эпоса отмечается во всех типах песен – например, в эпическом по стилю описании коня в одной из игровых песен и в частушках, и в песне-печали, и в причети; мотивы пира присутствуют в частушках. Вместе с тем песни-печали, наряду с эпическими мотивами, могут быть насыщены самыми прозаическими деталями. Интересно, что многие образцы телеутских песен, помещенные в книгу, имеют диалоговую форму.

Ритуальные тексты (*алькыштар*) включают камлание Талай-хану, напечатанное по записи А.В. Анохина с небольшой вступительной заметкой Д.А. Функа (с. 107–159), занимающее более четверти объема книги, и несколько образцов заклинаний-благопожеланий, записанных автором в 1988 г. от единственной исполнительницы П.П. Поросенковой. Тексты снабжены краткими и весьма информативными предисловиями.

Если в повествовательном и песенном фольклоре телеутов по публикуемым образцам прослеживается сильное воздействие эпоса, играющее как бы центрирующую роль в жанровой системе и насыщающее другие жанры персонажами, мотивами, образами и стилистическими фигурами, то в образцах обрядового фольклора телеутов, что вообще характерно для южносибирских тюркских народов, такую же центрирующую роль играет пантеон, во главе которого стоит верховное божество – Ульгень. Именно Ульгень упоминается и в обращении к священным деревьям-сомдор (с. 166–168), и в обращении к Май-эне, живущей где-то поблизости от Ульгения (с. 169). Почти во всех текстах явственно прослеживается и традиционная трехчастная модель мира, непосредственно связанная с пантеоном и представлениями о сверхъестественных существах. Этот факт сам по себе мог бы быть ожидаемым – но, на наш взгляд, как и в случае с разнообразными проявлениями эпоса в других жанрах телеутского фольклора, здесь мы имеем дело с некоторым упрощением мира сверхъестественных существ, хотя бы представления о нем и двигались в сторону "олимпийского политеизма", выражающегося в почитании ограниченно количества духов-покровителей, превращающихся в божества.

Раздел "Экспрессивная фразеология" как будто бы не должен относиться к фольклору. Ведь лингвисты до сих пор спорят о том, правомерно ли причислять пословицы и поговорки к фразеологическому фонду, и вместе с тем в сибиреведении имеется тенденция ставить знак равенства между фразеологизмами и изречениями пословичного типа (*Варламова* 1984, 1986)¹. Не-

большой раздел "Загадки" включает шесть образцов (по-телеутски и по-русски) с хорошей вступительной заметкой, характеризующей жанр загадки у телеутов по записям других собирателей и вписывающей его в широкий фольклорно-этнографический и исторический контекст.

В книгу включено около 40 фотоиллюстраций, выполненных автором, – они не только расширяют наши представления о культуре телеутов, но и придают книге большую привлекательность. Отрадно, что фотография для автора – это средство фиксации материала, а не создания этнического образа или его модификации в ту или другую сторону, что нередко имеет место при использовании аудиовизуальных средств в этнографии.

Главный замысел автора – увеличить объем фольклорных текстов телеутов, находящихся в научном обороте, – без сомнения, осуществлен. Достаточно насыщены новой информацией и краткие вступительные заметки или комментарии к публикуемым текстам. Форма вступительной статьи к такого рода изданиям оставляет автору возможность выбора – давать развернутую жанровую характеристику фольклора, развивая исследовательский момент всей публикации, или же сосредоточить свое внимание на библиографии и персоналиях, тем самым давая в распоряжение читателя максимально полную информацию об имеющихся в настоящее время опубликованных текстах и их собраниях. Автор в этом отношении нашел разумный компромисс. К этой части рецензируемой книги нам хотелось бы сделать некоторые добавления – телеутские фольклорные материалы в записи на восковых валиках из собрания А.В. Анохина хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге (ФА ИРЛИ, колл. № 63 и 494), там же в Рукописном фонде Фонограммархива имеются рукописные материалы А.В. Анохина – фольклорные тексты с переводами, представляющие преимущественно песенные жанры, и работы исследовательского характера (ФА ИРЛИ, РФ, папка № 38). В Фонограммархиве ИРЛИ также хранятся восковые валики с записями телеутского фольклора, произведенными А.Г. Данилиным и Л.Э. Каруновской (ФА ИРЛИ, колл. № 159) (Бурькин и др. 2005). Эти коллекции в дальнейшем позволят ввести в оборот ранние записи телеутского фольклора в звучащей форме.

Известно, что при издании фольклора народов Сибири часто предметом обсуждения оказывается язык и стиль русских переводов текстов, который в разных изданиях варьирует от лингвистического буквализма, делающего перевод трудночитаемым для массового пользователя, до некой "контгизации" – стилизации по образцам сказок из какой-то знакомой публикатору традиции, уводящей стиль и образы перевода от оригинала; последнее очень характерно для обработок и повторных публикаций фольклорных текстов. Переводы образцов телеутского фольклора, выполненные Д.А. Функом и представленные в настоящем издании, точны в лингвистическом отношении – в частности, они позволяют продуктивно работать с изданными текстами любому лингвисту, мало-мальски знакомому с лексикой и строем тюркских языков и не нуждающемуся в морфологической разметке материала, и по существу безупречны в передаче стиля фольклорных образцов. Одно небольшое замечание в этой сфере – телеутское слово *t'igut* переведено как джигит (с. 73), но для этого слова словари русского языка дают значения "искусный наездник", "искусный и отважный наездник", "искусный, ловкий наездник" (на Кавказе) (Крысин; Ожегов, Шведова; Ушаков). Употребление данного слова, подсказываемое публикатору при переводе тюркским словом-этимомом русского слова, к тому же почти в той же форме, которая была источником слова в русском языке, конечно, для переводческой практики было очень соблазнительным – но оно несколько расширяет как семантику русского слова джигит, так и ареал его применения.

В целом же новое издание фольклорных текстов телеутов можно только приветствовать. Оно представляет собой интересный и плодотворный опыт одновременной работы исследователя над собственными полевыми записями и над архивными материалами – опыт, который ценен тем, что он не только позволяет видеть объемную перспективу телеутской фольклорной традиции, но и позволяет исследователю фольклора совершенствоваться и держать в форме знание языков изучаемых этносов. Уровень издания обсуждаемой книги гарантирует то, что она будет востребована фольклористами, этнографами и лингвистами – всеми, кто занимается на-

родами Сибири и их языками в России и за ее пределами, а также будет доступна для носителей традиции – бачатских телеутов и их соседей.

Примечание

¹ В печатном виде работа Г.И. Варламовой сильно сокращена за счет иллюстративного материала, аутентичность которого выглядит спорной в силу того, что многие образцы идиоматики, приведенные в диссертации, имеют аналогии среди якутских пословиц и поговорок по опубликованным собраниям.

Литература

- Бурыкин и др.* 2005 – *Бурыкин А.А., Гирфанова А.Х., Кастров А.Ю., Марченко Ю.И., Светозарова Н.Д., Шифф В.П.* Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Варламова* 1984 – *Варламова Г.И.* Фразеологизмы в эвенкийском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Варламова* 1986 – *Варламова Г.И.* Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск, 1986.
- Крысин – Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. М.: ИДДК, 2004.
- Ожегов, Шведова – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. М.: ИДДК, 2004.
- Ушаков – Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. В 4-х т. // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. М.: ИДДК, 2004.